

(1) Через пятьсот шагов они увидели стоящую в гуще молодого ельника 45-миллиметровую противотанковую пушку. (2) Возле пушки на толстом слое рыжей старой хвои сидели вперемежку бойцы Хорышева и те пятеро артиллеристов, о которых он доложил Серпилину.

(3) При появлении комбрига все встали, артиллеристы чуть позже других, но всё-таки раньше, чем Хорышев успел подать команду.

(4) – Здравствуйте, товарищи артиллеристы! — сказал Серпилин. (5) — Кто у вас за старшего?

(6) Вперёд шагнул старшина в фуражке со сломанным пополам козырьком и чёрным артиллерийским околышем. (7) На месте одного глаза у него была запухшая рана, а верхнее веко другого глаза подрагивало от напряжения. (8) Но стоял он на земле крепко, словно ноги в драных сапогах были приколочены к ней гвоздями; и руку с оборванным и прожжённым рукавом поднёс к обломанному козырьку, как на пружине; и голосом, густым и сильным, доложил, что он, старшина девятого отдельного противотанкового дивизиона Шестаков, является в настоящее время старшим по команде, выведя с боями оставшуюся материальную часть из-под города Бреста.

(9) – Откуда, откуда? — переспросил Серпилин, которому показалось, что он ослышался.

(10) – Из-под города Бреста, где в полном составе дивизиона был принят первый бой с фашистами, — не сказал, а отрубил старшина.

(11) Наступило молчание.

(12) Серпилин смотрел на артиллеристов, соображая, может ли быть правдой то, что он только что услышал. (13) И чем дальше он на них смотрел, тем всё яснее становилось ему, что именно эта невероятная история и есть самая настоящая правда, а то, что пишут немцы в своих листовках про свою победу, есть только правдоподобная ложь и больше ничего.

(14) Пять почерневших, тронутых голодом лиц, пять пар усталых, натруженных рук, пять измочаленных, грязных, исхлестанных ветками гимнастёрок, пять немецких, взятых в бою автоматов и пушка, последняя пушка дивизиона, не по небу, а по земле, не чудом, а солдатскими руками перетащенная сюда с границы, за четыреста с лишним вёрст...

(15) – На себе, что ли? — спросил Серпилин, проглотив комок в горле и кивнув на пушку.

(16) Старшина ответил, а остальные, не выдержав, хором поддержали его, что бывало по-разному: шли и на конной тяге, и на руках тащили, и опять разживались лошадьми, и снова на руках...

(17) – А как через водные преграды, здесь, через Днепр, как? — снова спросил Серпилин.

(18) – Плотом, позапрошлой ночью...

(19) – А мы вот ни одного не переправили, — вдруг сказал Серпилин, но хотя он обвёл при этом взглядом всех своих, они почувствовали, что он упрекает сейчас только одного человека — самого себя.

(20) – А что лес прочешут, не побоялись?

(21) – Надоело бояться, товарищ комбриг, пусть нас боятся!

(22) – Так и не прочёсывали?

(23) – Нет, только минами кругом всё закидали. (24) Командира дивизиона насмерть ранили.

(25) – А где он? — быстро спросил Серпилин и, не успев договорить, уже сам понял, где...

(26) В стороне, там, куда повёл глазами старшина, под громадной, старой, до самой верхушки голой сосной желтела только что засыпанная могила; даже немецкий широкий тесак, которым резали дёрн, чтобы обложить могилу, ещё не вынутый, торчал из земли, как непрошенный крест.

(27) На сосне ещё сочилась смолой грубая, крест-накрест зарубка. (28) И ещё две такие же злые зарубки были на соснах справа и слева от могилы, как вызов судьбе, как молчаливое обещание

вернуться.

(29) Серпилин подошёл к могиле и, сдёрнув с головы фуражку, долго молча смотрел на землю, словно стараясь увидеть сквозь неё то, чего уже никому и никогда не дано было увидеть, — лицо человека, который с боями довёл от Бреста до этого заднепровского леса всё, что осталось от его дивизиона: пять бойцов и пушку с последним снарядом.

(30) Серпилин никогда не видел этого человека, но ему казалось, что он хорошо знает, какой это человек. (31) Такой, за которым солдаты идут в огонь и в воду, такой, чьё мёртвое тело, жертвуя жизнью, выносят из боя, такой, чьи приказаны выполняют и после смерти. (32) Такой, каким надо быть, чтобы вывести эту пушку и этих людей. (33) Но и эти люди, которых он вывел, стоили своего командира. (34) Он был таким, потому что шёл с ними ...

(По К.М. Симонову)